

An impressionistic painting of a busy city street. In the foreground, a man in a blue coat is seen from behind, standing on a wooden ladder. The street is filled with people, some walking and others standing. There are trees and buildings in the background. The overall style is loose and expressive, with visible brushstrokes and a vibrant color palette.

Виктор Новиков

БЛУЖДАЮЩИЙ
ГОРОД

Невероятная история

Виктор Новиков
Блуждающий город.
Невероятная история

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20097585
ISBN 9785448303814*

Аннотация

Группа ребят решила провести выходные вдали от города, на природе, на берегу тихой речки. Но вместо этого попадают в необыкновенный город... Здесь всё переплелось: дружба и любовь, жажда власти и стремление к свободе, верность и предательство. Но только одно слово – и эти ребята решают судьбу Блуждающего города.

Содержание

День первый	5
Город	5
Постовой	14
Тётушка Ну-Что	19
Чаепитие у тётушки Ну-Что	23
Разговор о литературе	28
Справедливейший	34
Легенда	42
Ночные бдения	50
День второй	58
Машина	58
ПОЧТА	68
Совет	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Блуждающий город

Невероятная история

Виктор Новиков

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОИМ СЫНОВЬЯМ

Константину и Михаилу

© Виктор Новиков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прежде, чем Вы начнёте читать эту книгу, я должен сказать Вам, что с глубоким пиететом отношусь к нашей почтовой службе, а совпадением с названием некоего Агентства автор хотел сказать, что нередко под благозвучными и привычными для слуха вывесками скрываются самые отвратительные конторы.

День первый

*И для чего была б нужна мне песня
И дар слагать слова с их красотою,
Когда б не знал, что люди повсеместно
Сражались и шагали бы со мною.*

Пабло Неруда. «Песня о подвиге»

Перевод С. Кирсанов

Город

Они впервые нынче целовались.
Смотрели звезды, словно в первый раз,
И средь берез луны соседский глаз
Краснел натужно, подглядеть стараясь.
Ах, до чего же сладок поцелуй!
Он чист и добр, когда тебе семнадцать,
А как его родители боятся:
Дружить дружи, а больше – не балуй!
Забыли видно, как сидели сами
В семнадцать лет под звёздными часами...
Тот поцелуй, что ключ от жизни новой,
Он как порог из детства в новый мир...
Костер вздохнул и, разгораясь снова,
Решил продолжить ненасытный пир.

Но от поленьев жалкие остатки
Как видно не устроили его,
И спрятались опять в ночи палатки:
В них спят друзья, не чуя ничего.
Вот чудаки!
Такой не будет ночи
И говора невидимой реки
И этих звёзд, и тишины... а впрочем,
Пусть спят пока – они тут не с руки:
Галдёж поднимут: – Что?.. – Куда?.. – Откуда?..
Крутнут висок: – Ты что, совсем? Чудак!..
Транзистор врубят, заведётся маг,
И разлетится вспугнутое чудо...
Весь мир огромный, шумный, быстротечный
Остался там за лесом. Здесь же был
Особый мир: путём расцвечен млечным,
Туманом сонным по-над речкой плыл.
Он тих и юн. В поляне убаюкал
Его, как в колыбели, добрый лес
И для двоих такую ночь придумал —
Ну как тут обойдёшься без чудес!

Но вот «заря – разлучница влюбленных»
Зажгла с востока солнечный костёр.
Алёша огляделся удивлённо,
Как будто этого не видел до сих пор:

– Смотри-ка, утро! Быстро ночь прошла.

А птицы? Слышишь?

– Ясно: солнцу рады.

– А я не рад. Нам ночь была наградой,

И жалко говорить о ней «была»,

Так здорово нам этой ночью было!

И почему так быстро утро наступило?

А Люба первой это утро приняла,

Вздыхнула только:

– Милый, я пошла,

Умыться надо. Ты костёр разложишь,

Поставишь воду...

– Стой. Не уходи!

Дай обниму. И знай, уйти не сможешь

Ты без поцелуя!..

– Погоди,

Алёша, видишь: утро наступило.

Ты сердце спрячь от посторонних глаз.

Прошу тебя: пусть всё, что ночью было

До времени останется меж нас.

Для остальных пусть всё как прежде будет,

Но чтобы ни случилось, твердо верь,

Что этой ночи ни минутки не забудет

Моё сердечко. Ну, целуй теперь,

Коль ты согласен с этим предложением!..

Так никому ни слова?... Ни в намёк?..

Скорей!... В палатке слышу я движение,
Сейчас все встанут... Вздуй же огонёк!..

Да он бы мир сейчас поджёг, пожалуй,
Лишь было б это так угодно ей,
Чтоб на огне огромного пожара
Обжечься сладко от любви своей!
В ней каждый жест был бесконечно дорог,
Улыбка, что блеснула на бегу...
И вдруг нежданно он **УВИДЕЛ ГОРОД**
На пойменном, на дальнем берегу!
Ещё не промелькнуло даже мысли,
Но сердце сжал предчувствия канат,
Над миром, где была **ОНА**.
– **СПАСТИ ЕЁ!** – в сознание заискрилось.
Он крикнул: – Люба!
Помахал рукой.
Она в испуге прибежала:
– Что случилось?
Он выдохнул: – Там... Город... За рекой...
– Не понимаю, что ты испугался?
Обычный город. Что же из того?
– Тогда скажи, откуда город взялся,
когда **ВЧЕРА** здесь **НЕ БЫЛО ЕГО?**
– Как не было?
– Места я эти знаю,

Не в первый раз приходим мы сюда:
Здесь было поле. Ведь не вырастают,
Как в сказке, в наше время города?

Тут подошли ребята: – Что шумите?
– Смотрите, город!
– Город за рекой!
– Он вырос за ночь здесь, пока вы спите...

А Город прочно сохранял покой
Стоял широко,
Улицы спускались
К реке, бежали в дальние поля,
И в час, когда ещё спала земля,
Весь город спал.
Спокойно развивались
На шпилях зданий странные знамена.
И чистенькие улицы пусты.
Дома средневековой красоты
На них стояли твёрдо, непреклонно.
Нет, это не мираж: высокий берег
Открыл ребятам городской пейзаж
(Как всё же странно мозг устроен наш:
Хоть видит, чувствует, а всё-таки не верит).

Нырок Серёжка, хоть всех меньше ростом,
И тут успел: – Снимают, знать, кино.

Ответил Костя: – То-то и оно,
Что здесь, ребята, всё не так-то просто.
На киносъёмки ЭТО не похоже.
Хоть я давно не верю в чудеса
И знаю, что ТАКОГО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ,
Но город есть – я это вижу сам.
– Как мудро вы изволили заметить
Всю суть вещей – мы тронуты, милорд!
– Ребята, хватит! Что вы за народ?
Такое тут! А вы – вы просто дети.
– Ребята, стоп! – сказал тогда Алёша.-
Права Алёна, не до шуток тут.
Сейчас совет нам надо бы хороший...
– Совет тебе? Извольте, сей минут!
– Да хватит, Генка!
– Что вы, в самом деле?
Ну, появился город – нам-то что?
Свернём палатки, быстренько тип-топ —
И к вечеру у мамы на постели.
А с городом другие разберутся.
Ведь кто мы есть? Мы – мелюзга, никто...
Вдруг Танин крик заставил обернуться:
– Ребята, посмотрите! ЭТО ЧТО!?

Менялся лес. Знакомая тропинка
Вдруг растворилась в зарослях травы,

И вместо радостной берёзовой листвы —
Стена еловая в осиновых прожилках.
И берег пойменный вдруг устремился вверх,
И встали неприступные утесы,
На них раскрылся город, как орех,
Наполненный людским многоголосьем.
И речка вздыбилась, среди камней забила,
Над ней высоко распластался мост,
Через него дорога зазмеилась,
И вырос у моста дорожный пост.
Все это было так невероятно,
На сон похоже, на безумный бред.
Туристы растерялись и, понятно,
Не сразу поняли: пути обратно нет.

– Что делать будем, ребя? – со слезой
Серёжка всхлипнул. — Как домой вернемся?
– Серёга, не робей, пробьёмся,
Вернёшься целым к матушке домой.-
Ему с нарочитой бравадою ответил
Алёша. Сам подумал: – Вот
Какие шутки есть на белом свете,
Попали мы в хороший переплёт...

Меж тем ребята отошли немного,
И Костя предложил: – Пора идти.

Нет выбора. У нас одна дорога,
Коль чудо-город вырос на пути.

– И то, ребята, – Люба поддержала.-
Пойдем, пожалуй, что еще нам ждать?
По крайней мере сможем мы узнать,
Что с нашей речкой этим утром стало.

– Сказала: с речкой! – Генка хохотнул, —
А может быть добавишь: с берегами?

Кто, интересно, шуточку загнул,
Кто сотворил подобный финт ушами?

Ну нет, братва, я в город не ходок,
Наверняка там есть для нас ловушка.

А может мы давно уже на мушке,
И не услышим выстрела хлопок?

Я думаю, не шлёпнули пока,
Вещички сложим – и айда к дороге,

Попутку словим – и адью река
И чудо-город: мы уносим ноги!

– Ты, Генка, трус! – сказала с возмущением
Ему Татьяна, в голосе – слеза.

– Уж сразу трус, но всё же тем не менее
Давайте взвесим «против» все и «за»...

– Ребята, мальчики, ну что вы, в самом деле,
Как старики: идти иль не идти?

Нам выпал шанс! Все обсудить успели,
Но ведь возможности подобной не найти.
Ну кто, пусть в тайне, не мечтал о чуде?
Вот чудо есть – а мы скорей в кусты?
Над нами все смеяться будут люди!
Да разве так сбываются мечты?
Коль не пойдёте, мы пойдём одни,
Девчата, верно? – Люба горячилась,
В глазах горели страстные огни,
И голубая на височке жилка билась.
Подружки дружно Любу поддержали,
И сразу спор затих. И Генка тоже смолк:
Он и сам понять свой страх не мог.

Ребята вещи собирали...

Постовой

*– Постарею в службе ратной я,
Как вернусь к себе домой,
И дороженька обратная
Будет самою прямой.*

*Я ещё любви не ведаю,
Но мечтаю я о ней.
Как вернусь домой с победою
Затоскуешь обо мне.*

*Не смотри, что я сдинами
Все виски посеребрю,
Но зато тебя, любимая
Я любовью одарю.*

*Будешь ты со мною, любая,
Жить, как в сказке, не тужить
Лишь бы мне под пулей глупою
Головушки не сложить...*

Красивый голос выводил слова.
Они ложились сочными мазками,
И оживала яркими цветами

Бесхитростной мелодии канва.

Ах, что за голос! Вот даёт же бог!

Ребята встали: песню не спугнуть бы

Она входила в молодые судьбы

И подводила юности итог...

Вот песня смолкла. Вышел постовой

Из будки, словно из другого мира,

Поправил складки пестрого мундира

И мягко приказал ребятам:

– Стой!

– Так мы стоим, – ребята отвечали.

– Ну вот и стойте, выясню пока

Кто вы, откуда, как сюда попали,

Зачем сюда пришли издалека.

За всех сказал Алёша: – Так случилось,

Что мы пошли с ребятами в поход.

Да вечером, как видно, заблудились

И через реку потеряли брод.

– Так вы солдаты?

– Почему солдаты?

– Вы говорите, что пошли в поход.

– Да нет, мы – школьники, обычные ребята.

И наш поход совсем-совсем не тот.

– Да? А какой? – и будто сам смеётся,

Но Константин серьёзно отвечал:
– У нас он туристическим зовётся,
Ту-рис-ты мы, в лесу был наш привал.
– Туристы... Слово-то какое!.. Нет, не слышал.
Как видно, здорово от мира я отстал.
Уже пять лет одною пылью дышим,
Нам словно музыка приказы да устав.
– Ну не скажите, Вас-то мы слышали.-
Любаша встряла. – Ведь талант у Вас!
Не на мосту стоять бы Вам сейчас,
А выступать в большом концертном зале!
– Вы льстите мне. Ну, разве я артист? —
Потупил очи, маково краснея.-
Да я об этом и мечтать не смею.
Да я в глаза не видел нотный лист.
Нет, вы нарочно, чтоб я стал добрее,
Хотите, чтоб нарушил я приказ,
Считаете, что вы меня хитрее?
Но понял я, пусть и глупее вас.
Вот сообщу начальству своему:
Отправят вас прямехонько в тюрьму!
– Зачем в тюрьму? – струхнул Нырок Серёжка.-
Зачем в тюрьму? Не надо нас в тюрьму!
Ну что за преступление, не пойму,
В том, что заплутали мы немножко?
Уж если в город нам нельзя войти,

Вы нам об этом прямо бы сказали
И бестолку тюрьмою не пугали,
А подсказали б как домой пройти.
На это рассмеялся постовой:
– Что, испугались? Я же пошутил.
Ну как бы вас я в город не пустил,
Да я б тогда Устав нарушил свой.
Нет, Постовой Устав я твёрдо знаю:
Впускаю всех – обратно не пускаю.
Ну чтож, входите, повезёт, глядишь,
И в городе своё найдёте счастье... —
Вздыхнул печально:
– Эх, в моей бы власти...
Серёжку подтолкнул: – Иди, малыш...
Нет, погодите, адресочек дам,
Ведь в городе у вас знакомых нету.
Там передайте от меня приветы,
Скажите: от солдата Тут-И-Там.
– Какое имя странное у вас!
– Да то не имя – прозвище моё.
Простое имя-то, да только не зовём
Друзей по имени, не принято у нас.
– Вы знаете, ребята, я боюсь.
Идти нам в город может быть не стоит? —
Шепнула Таня. Костя ей:
– Пустое.

Теперь уж поздно. Проходи, не трусь.

Тётушка Ну-Что

Ворота с хрипом закрывали мир,
И город замыкался, словно короб.
Каким ты будешь, незнакомый город,
Где неба клоч да улиц старых ширь?
Неведомый, загадочный, живой,
Как песня, что пока ещё не спета —
Вот, громко тарахтя по мостовой,
Спешит куда-то странная карета.
За нею – пара шустрых жеребят:
Такой спокойный, добрый, мирный вид.
Вот женщина в переднике стоит
И с интересом смотрит на ребят.
Не утерпела, подошла поближе:
– Ну что вы топчетесь всё время у ворот?
Никак вы заблудились? Вижу, вижу.
Быстрее за мной: глянь, ПОЧТА¹ заберет!
Пойдём, пойдём, не бойтесь меня вы,
Своих детишек столько, сколько вас,
Переоденемся быстрёхонько сейчас,
Нето одеты, словно для забавы,
Чайку попьете, отдохнёте и потом,
Коль захотите, скажетесь старушке.

¹ Полицейское Чрезвычайно-Тайное Агентство.

Ох, любопытна я, друзья-подружки,
Не зря зовуся тётушкой Ну-Что.
Её лицо улыбка осветила,
В ней столько неподдельной доброты!
Ну, как, скажите, не поверить было:
Сгорели недоверия мосты.
Туристы наши дружно поспешили
За женщиной, свернувшей в переулок.
Здесь пахло сладостью горячих сдобных булок —
Все сразу голод страшный ощутили.
И вспомнили ребята, что не ели
С вчерашних пор. А тетушка Ну-Что
Спешила дальше. Запахи смелели,
Дразнили, звали – не отстал никто.
Потом запахло кожами, металлом,
Древесной стружкой, угольной золой.
Дома стояли тесно и устало,
Бедны на вид, но взгляд окон не злой.
– Ну что, устали? А ведь мы пришли.
Ну чтож, входите. Уж не обессудьте.
Смелей, ребятки, только не забудьте
Пригнуть немного голову в двери...
А дом был невелик и небогат,
Лишь два окна на улицу глядели,
Ребята улыбались и галдели:
Но дома не было желанней для ребят,

– Прошу, сеньора, —
– Только после Вас.
– Ах, девочки, ведь это ж прелесть просто!..
– Ну, наконец-то я наемся досыта...
– А тётка ничего, не тётка – божий глас!
– Да, без неё сейчас нам было б туго...
Так и вошли с улыбкой друг за другом.

Справедливейшему.

ДОНЕСЕНИЕ

От агента по кличке Друг.
Выражаю к сему восхищение
Вашим разумом, коим вокруг
Город наш и согрет, и обласкан,
Отчего так счастливо живёт
Много лет, словно в радостной сказке,
Наш прекрасный, свободный народ,
СООБЩАЮ,
Что птички в клетке.
Как задумалось, так и сбылось:
Добровольцами были детки,
Даже силой пугать не пришлось...

Центр. Срочно

Совершенно точно:
У 27-го засада.
Немедля надо

Детишек спасать.

Прошу вариант номер пять.

Третий.

Чаепитие у тётушки Ну-Что

– Ну чтож, одежду вашу соберу,
Сложу как надо, спрячу понадёжней.
Ох, что-то сердцу каждый час тревожней,
А ведь легко так было по утру.
А ну-ка, ну-ка, погляжу на вас.
Смотри, как ладно, как на вас пошито.
Вот был бы рад мой муженёк убитый:
Любил детей, их баловал не раз...
Вот снова сердце...
Не было б беды...
Да не допустит Бог такого лиха...
Сейчас поставим на огонь воды,
Мне чай взаймы вчера дала купчиха...
...Ну чтож, ребятки, всех прошу к столу.
А ну-ка, девоньки, подайте чашки-блюдца:
Они на полочке вон там, вон там в углу...
Ай, молодцы, как весело смеются!
Видать, на сердце нет у них забот...
Вы ешьте, ешьте!..
Ишь, проголодались.
Как вовремя продукты придержались,
Не то пришлось бы подтянуть живот.
Никак по справедливости живём:

Кому-то праздник – балыки, икорки,
Мы ж молим Бога от зари до зорьки,
Что каждый день свой хлебушко жуём,
А кто и хлеб-то ест не каждый день...
Никак, стучатся? Так и есть, стучатся.
Чайку попила – привалила лень.
Сейчас, сейчас! Ох, не могу подняться.
А ну-ка, малый, сбегай-ка к двери,
Спроси сначала, после отопрі...
Ну кто там?...Ах ты, ах ты, Боже мой!
Входи, входи! Да как дошел ты, милый?
Чайку попьешь ли? Он ещё не стылый.
Да отдохни, ведь ты пришел домой.
Ребятки, это старший мой сынок...
Как некогда?.. Что говоришь? Засада?
Здесь у меня?.. Ах, сердце – мой звонок.
Ведь чуяла... Спасать детишек надо.
А Центр что? Всё верно: тайный ход.
Другого выхода я тоже тут не вижу.
Ну чтож, ребятки, подходи поближе-
У нас серьезный разговор пойдёт.
Потом хотела с вами говорить,
Как отдохнёте, но такое дело...
Сейчас немедленно вам надо уходить,
Но вы не бойтесь и ступайте смело
За сыном. Он не бросит вас

А приведёт к друзьям, к хорошим людям.
Подробности мы обсуждать не будем,
Нет времени. Одно скажу сейчас:
Как видно, вам, ребята, суждено
Нелёгкие изведать испытанья
И приложить немалые старанья,
Чтоб вскорости увидеть дом родной.
Но вам на нас не надо обижаться,
Что против воли вашей вы должны остаться.
Не мы решали, быть вам здесь иль нет,
Придётся вам самим искать ответ
На все вопросы. Мы же будем рядом,
Придём на помощь, если будет надо...
Подробнее поведает сынок.
Спешите же – нет времени совсем,
А путь далек, и да поможет Бог
И дарует он нам удачу всем,
А я останусь. И о чем тут речь?
Нам надо ход от ПОЧТЫ уберечь.
Нет, нет и нет! Извольте выполнять!
Хотя любовь и сладко видеть в сыне,
Но трижды я тебя постарше в чине:
По званию, по возрасту, как мать.
Доложишь в Центре всё, что было тут.
Ну, дайте обниму вас на прощанье,
Не говорю прощайте – до свиданья.

Глядишь, когда-то нас пути сведут,
Тогда уж вас на славу угощу
И без рассказа ни за что не отпущу,
Ну а пока считайтесь должниками
И ваш рассказ останется за вами.
Вещички ваши. Не забудьте взять.
Ну всё. Ну, с Богом. Будьте осторожны!
И ты... И ты... Приду, как будет можно...
Ну чтоже, надо двери закрывать.
Вот и камин уже на место встал.
Половичок поправлю аккуратно.
А ну-ка кресло, двигайся обратно!
Все по местам, для вас окончен бал.
Посуду вымыть да быстрее на полку...
Ну, вот и всё. Теперь пускай идут.
Потопчутся, поищут да без толку.
Пускай поищут да ни с чем уйдут...
Чай подогреть, пожалуй-что, в камине...
Ага, идут, легки же на помине...

Справедливейшему
ДОНЕСЕНИЕ

От агента по кличке Друг.
Вызывает у всех восхищение
Ваших качеств широкий круг:
Доброта, красота и участие —

Только малая толика их!
Это счастье, огромное счастье,
Не жалея силёнок своих,
Вместе с Вами служить процветанию
Незабвенной Отчизне родной!
Ваша мудрость и Ваши знания
Путь укажут нам самый прямой.
Ваша мысль – это солнце в зените.
И его никогда не затмить
Даже тем, я прошу Вас, простите,
Что хочу Вам сейчас сообщить:
Опоздали мы.
Дети исчезли.
Дом, как лысина, чист и пуст,
Лишь старуху мы взяли. Если
Хоть немного замешана тут,
То уверены будьте – узнаем!
Мы прилежны в уменье своем.
Тем не менее, мы обещаем,
Что ребят непременно найдём...

Разговор о литературе

*Если я гореть не буду,
Если ты гореть не будешь,
Если мы гореть не будем,
Кто ж тогда развеет мрак?
Назым Хикмет*

– Теперь пора, ребята, отдохнуть.
Вы притомились, да и я не камень.
У вас не увлекаются стихами?
Вспомните, быть может, что-нибудь?

Ребята разместились кто на чём,
Кто на дощечке, кто на рюкзаке,
Кто просто стену подпирал плечом,
Кто подремать хотел на кулаке.
Они спешили долгих три часа.
В проходе узком свет скакал зайчонком.
Шли молча, часто слыша голоса:
Как видно ограждение было тонким.
Вначале всё роились в голове
Вопросы тонкой комариной стаей,
Но постепенно и они отстали,
Бездумный путь тянулся целый век...

Татьяна первой вызов приняла,
Сил не было присесть, она стояла.
– Я прочитаю, – вдруг она сказала
И медленно всех взглядом обвела:
– *Горные вершины*
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
*Отдохнешь и ты*².
Двух гениев сплотив в себе, строка
Сквозь годы шла и людям помогала,
Вот и теперь, привольна и легка,
Она ребячьи души согревала.
Молчали долго. Вдруг наперебой:
– А помните... – А знаете, ребята...

И вспоминалось вдруг само собой
Надежно позабытое когда-то.

– Что за стихи! – воскликнул проводник.-
Писали их великие поэты!
У нас стихов таких, пожалуй, нету,

² М. Ю. Лермонтов «Из Гёте».

Хотя мы жить бы не смогли без них.
Не каждому слагать стихи дано,
Но жизнь и смерть встречаем мы стихами,
Я прочитаю вам сейчас из них одно,
А вы, как знаете, о них судите сами:
— Надежду, как зная, с собою берём
В сражение самое главное,
Мы славы не ищем, без славы умрём,
Но это не значит бесславно.
Не в вечность уносятся дни и года,
А в память, где мудрость умножат,
И то, что о нас не поют никогда
Не значит, что песню не сложат.
На крыльях стремительных наших знамен
Взметнётся свобода багряно.
И то, что не слышите наших имен
Не значит, что мы безымянны
Встанет над миром Победы заря,
Мы встретимся с вами живыми,
И скажете вы, что мы жили не зря
И вспомните каждого имя!..

Как он читал! Глаза его горели,
И видел он сквозь призму всех времён
Салют Победы. Блики пламени
На складках неповерженных знамён.

В порыве страстном, позабыв усталость,
Ребята встали, к подвигу готовы!
Как ты могуче, маленькое слово!
В тебе надежда, боль и гнев, и радость.
Устало улыбнулся проводник:
– Вы не спешите, отдохнём немного,
Ждёт впереди нелёгкая дорога.
Поговорим давай, пока мы здесь одни.
– А можно мне спросить, – решился тут Алёша.-
Что значит это: ПОЧТА, тайный ход?
Мы чувствуем, что вы народ хороший,
Но кто есть кто? Для нас сплошной кроссворд.
Вы нас спасаете, вы строите надежды,
Что мы поможем – сможем ли? И в чём?
Ещё хотелось нам узнать бы прежде,
Куда мы и зачем сейчас идём?
– Постой, постой же! Для начала хватит.
На всё ответить трудно будет мне,
Но там, куда идём, вопросы будут кстати,
И вы ответ получите вполне.
Ну что ж, начнём. Зовут меня По-Праву,
Не имя – прозвище, но я к нему привык.
Себя, друзья, не называйте вы,
Я знаю вас. Сюда не на забаву
Пришли вы. Мы ведь ждали вас,
Но, к сожалению, не знали день и час,

Об этом только думали, гадали —
Они, видать, точнее рассчитали...
Вы спрашиваете, кто есть кто — судите сами:
Они — правители, и Город в их руках,
А мы не в силах свергнуть их пока,
Но если только будете вы с нами,
То это будет козырь самый главный
В борьбе, которую ведём уж много лет
С тиранами, погрязшими в обмане,
И фарисеями, кому прощенья нет.
Когда вы их узнаете, ребята,
Прислушайтесь к совету моему:
Не верьте обещаньям их и клятвам,
Не верьте даже слову одному.
Всё ложь и ложь, благословенна ложью,
Хоть терпелив народ, Но он отнюдь не слеп,
И зреет правда доброй сильной рожью,
И скоро будем печь Победы нашей хлеб.
И соберёмся мы у каравая.
Всем будет место: дворник ли, солдат,
Кухарка и пастух, семья мастеровая —
Все, кто у нас мозолями богат.
— А мы?
— А вы? От вас, друзья зависит,
Как скоро будет свергнут лживый трон.
Учёные, всё рассчитав хитро

С помощью лишь им известных чисел,
Сказали нам, что в Город ваш приход
Освободит от гнёта наш народ.
Мы знали имена и где искать,
На счастье оказалось: вы дружны.
И вы простить нас и понять должны,
Что мы уж больше не хотели ждать.
Всё шло по чётко разработанному плану,
Но был один предатель среди нас,
Всё это чуть не погубило вас.
Что было дальше, знаете. Не стану
Напрасно тратить время. Но, друзья,
Предупреждаю вас, насколько только можно
Всегда предельно будьте осторожны,
Вам расслабляться ни на миг нельзя.
– Каким же образом мы сможем вам помочь
– Об этом я и сам узнать не прочь...

Справедливейший

– Ну что же дети? Где теперь они?
Не вы ль клялись, что всё предусмотрели?
Уйти из вашей хитрой западни —
Ай, молодцы! Так обдурить сумели
Моих наимудрейших хитрецов!
Так что молчите? Нечего сказать?
Не отводите в сторону глаза!
Ну, где же дети? Где, в конце концов?!

Он в кресло сел, закрыл глаза устало,
Молчал минуты две – ни шороха вокруг.
– Итак, коллеги, – улыбнулся вдруг, —
Времени у нас осталось мало,
Пройдёт три дня – и мы покинем Город,
Неблагодарных этих горожан,
О ком пеклись, собой не дорожа,
Хоть каждый горожанин был нам дорог.
Оставим наши бедные домишки,
Судьбу дороге будем мы вверять,
Что ж делать остается... коль умишки
Свои мы все сумели растерять!
Я верно говорю?! Опять молчите?
И вдруг на крик:

– Где Друг?! Чтоб был немедля тут!
– Я здесь, коллега дорогой, простите,
Не зря вас Справедливейшим зовут...
– Ах, зде-е-есь... Растяпа! Вор! Пьянчужка!
А ну-ка, выдь, коллегам покажись!
Да я сейчас и медную полушку
Не дам за вашу дорогую жизнь!

Из окруженья вышел человечек,
На сером личике печальные глаза.
Он собирался что-то рассказать.
Но голову уж не держали плечи,
Она повисла где-то на груди.

– Ну что стоишь? Прочь с глаз моих! Иди!

И он пошел на гнущихся ногах.
Все расступились перед ним широко,
И в тесном зале крался одиноко
Тот, кто недавно мнил себя в богах.

А Справедливейший глядел во след с усмешкой.
Ему не жаль. И было ль что жалеть.
Бог – это он! Все остальные – пешки,
И им не грех за бога умереть.
– Так что ж, коллеги? Вещи собирать?

И отправляться в дальнюю дорогу?
А может рано Город оставлять?
Без нас людишки просто жить не смогут.
Мы – это сердце, это голова,
Мы – это нерв, что в каждой жилке бьётся.
Без нас нельзя, и это не слова,
Для блага всех, коллеги, нам придётся
Три этих дня как следует потеть,
Пусть не пугает вас чужая смерть,
Ни кровь, ни слёзы – всё ничто на свете,
Но нам нужны живыми эти дети,
А уж тогда с людьми поговорим!
Всех недовольных – в рудники, и точка!
Мы новые законы сотворим,
Где для свободы не останется ни строчки.
В конце концов, желаем мы добра.
Свобода, деньги – это все отрава...

Тут крики: – Браво, Справедливейший! Ура!
Великому коллеге – Слава! Слава! Слава!

– Ну что ж, я рад, что мы сошлись во мненье.
Тогда за дело. И без промедления!

И словно сдуло – зал огромный пуст.
Лишь Справедливейший задумался на кресле:

– Детей найдём – обыщем каждый куст.
Всё будет, как задумано, но если...
Нет, нет, случиться это не должно.
У нас, богов, ошибки быть не может,
Об этом даже думать нам грешно...
Кому грешно? Мне, богу? Ха!.. И всё же...
Что там гнусил плешивый тот слизняк,
Который хвастается званием «профессор»?
Что ж было там достойно интереса?
Что там заволновало вдруг меня?
Вот память... Нет, не помню... Чёрт, склероз...

Невидимую кнопочку нажал,
Вдруг из букета пышных алых роз
Его же голос ласково сказал:
– Прошу, прошу вас, дорогой профессор!
Прошу садиться. Как идут дела?
К каким открытиям наука привела?
Вас слушаю с огромным интересом...

И голос старческий негромкий с хрипотцой:
– Мы чтим высоко вашу доброту, заботу,
И чтобы не ударить в грязь лицом,
Мы провели нелегкие расчёты.
Скажу не хвастаясь, успех ошеломил,
Поэтому я к вам и поспешил...

– Так, так, я слушаю...
– Не знаю, как начать...
– Вы не волнуйтесь, дорогой коллега...
– Идет беда. Её не избежать.
Она почище мора и набега...
– Вы говорите о пришельцах?
– Как?!
Вы знаете?! Ведь мы... Я так спешил...
– Я понимаю, это не пустяк.
Я благодарен вам от всей души.
– Нет, как же так?.. Хотел народ спасти...
Прошу простить... Позвольте мне уйти...

Нажал на кнопку.
– Старый гриб! Сморчок!
«Народ спасти»... О главном же молчок.
Но я-то, я-то!.. Сам хорош!
На блюдечке – пожалуйста! – душу.
Развесил уши и не слушал...
Ужели на поклон теперь пойдёшь?
Ты – власть, ты – бог, ты здесь хозяин,
Пойдешь?... Пойду! На карте жизнь.
И пусть я – бог, и пусть я – каин,
Но здесь не к месту дележи.
Ведь жизнь одна. Наступит смерть,
К чему тогда богатство, слава?

Горит в душе моей отравы
И чувств жестоких круговерть.
За жизнь я даже мать продам
И сожалеть о том не буду.
И пусть зовут меня Иудой,
Все это мелочь, ерунда.
Я – бог! Но в теле человеческом.
Я должен жить! Я буду вечен!
Я... Я... Но рано отходную.
Ещё не кончена борьба.
Прочь, предрешённая судьба!
За жизнь ещё я повоюю!
Теперь уж ясно: выход должен быть,
Его профессор мне хотел открыть —
И всё так просто, это скучно даже,
Я позову его, он снова мне расскажет.
Эй, кто там! Вызвать мне профессора сюда!
Послать карету! Пусть немедля едет!
Да пошевеливайтесь, увальни-медведи!..
Всё просто гениально! Да, да, да!
Ну что же, бог, свержение отложим?
Ведь кое-что мы сами делать можем.

В волнении вскочил, по залу поскакал,
Обликом меняясь то и дело:
То клоун, то вампир, то весь синюшно-белый

Мертвец – глаза закрыты, звериный рта оскал,
То снова клоун, но другой раскраски —
Калейдоскоп одежд и поз, и лиц.
Все появлялись, пропадали в тряске
И все немыслимо в одном лице слились.
И вдруг всё кончилось. Бессмертный бог земной
Устало в кресло снова повалился.
И тут коллега стражник появился,
Опоздав секундою одной:
О, Справедливейший, позвольте доложить?
Ну, где профессор? Позови скорее!
Затрясся стражник, глаз поднять не смея,
И весь поник.
– Ну, хватит, не дрожи.
Так где ж профессор?
– Н-н-нет н-н-нигде его,
Мы обыскали каждый закоулок... —
И в ужасе замолк, увидев дуло.
Хлопок негромкий – и на одного
На свете стало меньше. А Великий
Смотрел с минуту на алеющую кровь,
И ярость тихо уходила вновь,
В глазах все реже вспыхивали блики.
– Эй, кто там, уберите ротозея!
И разыщите Друга поскорее!..
– Я здесь, о Справедливейший, вы звали? —

И сыщик тут же появился в зале...

Легенда

Из-под очков в дешёвенькой оправе
Глядели умные и добрые глаза:
– Добро пожаловать я рад бы вам сказать,
Но так приветствовать я вас, друзья, не вправе.
Одно скажу: спасибо, что пришли.
Теперь настало время объясниться,
Нужда заставила, друзья, к вам обратиться,
Мы сделать по-другому не могли.
Не очень вежливо, но мы полны надеждой,
Что вы сумеете понять нас и простить,
И пред тем, как помощи просить,
Я объяснить, друзья, хочу вам прежде
Все те «зачем и как, и почему»,
Что мучают вас с самого начала.
Прислушайтесь к рассказу моему
Иль может отдохнете вы сначала?

– Мы не устали, – прозвучал ответ

– Ну, вот и славно. Только вы ж с дороги,
Присядьте всё же, чай устали ноги,
В ногах-то, сказывают, правды нынче нет.
Устроились? Так слушайте. Истоки

Всех бед сегодняшних размыл поток веков,
И лишь легенду вынесли потоки,
И я поведать вам её готов.

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКИХ

*Трое Великих в Городе жили,
Трое Великих с детства дружили.
Был первый учёным. Он знал все науки.
Второй был умелец – чудесные руки.
Был третий отважен и ловок, и смел,
Людей зажигать своим словом умел.
Не знали Великие то, что велики.
Дарили им люди при встрече улыбки.
Девизом их было: «Чем можем – поможем!» —
Неважно – соседям или прохожим.
И лишь богачи стороной обходили
Тот дом и тот двор, где Великие жили...
Однажды во двор к ним зашел старичок —
В тоненьких ручках посох – крючок,
Маленький, щупленький, в пыльной одежке:
Как видно не близкими были дорожки.
Друзья поспешили навстречу к нему,
Но путник не подал руки никому.
Сказал, усмехаясь: – Ах, как благородно
Щедрость свою показать всенародно!
Делать добро словно ради забавы,*

Ради молвы, ради маленькой славы!
– Позволь же!.. – вскричали друзья удивлённо.-
Ты это серьёзно? – Конечно, серьёзно.
В мире так много горя-беды,
Песчинками смоем все ваши труды.
Из сотни поможете вы одному,
Сегодня полегче пусть станет ему,
Он вам благодарен, он счастлив, он рад,
А завтра нужда возвратится назад.
И он, как и сотни других, пропадёт,
Зато о добре вашем слава идёт.
Друзья не обиделись: прав старичок,
Встали напротив к плечу плечо:
– Но что же нам делать? Мы просим совета.
Так отвечает им путник на это:
– Усталые кони не скачут галопом,
Дырявый корабль не спасёт от потопы,
Слепой не увидит дороги-пути,
Безногому в дальний поход не идти.
Вы молоды, но ваши мысли устали.
Вы зрячи, но всё же не видите дали.
Судёнышко с течью, спасая людей,
Чем больше спасает, тем ближе к беде.
Прозрите же сердцем! Душою прозрите!
И щедро свободой народ одарите!
И чудо! От слов этих путник менялся:

Он молодел, вырастал, распрямлялся,
Хилое тело наполнилось силой,
Стал он могучим, суровым, красивым,
На смуглом лице – снежный вихрь бороды,
И сияли глаза темно-синей воды.
Сверкнули глаза – путник руки воздел
К вспыхнувшей вдруг полудённой звезде,
И гром громыхнул, и взбесившийся шквал
Крыши срывал и деревья ломал.
Всё длилось мгновенья. И вновь тишина
Спокойствием знойным напоена.
Лишь странник остался по-прежнему строг
И словно подвел разговору итог:
– Коль думой единой вы будете жить,
Великое сможете вы совершить!
– Но кто ты, скажи нам? И в чём твой секрет?
Но вместе со старцем растаял ответ.
Ещё его голос набатом звучал,
А сам растворился в закатных лучах.
Друзья призадумались. Думали долго.
И песня весёлая в доме умолкла,
Сорной травой тропа поросла
К дому, где раньше улыбка жила
Казалось уже: погребла тишина
Такие привычные всем имена...
Но день наступил, и осенней порою

Вышли из дома наши герои.
Дождь прекратился, умытое солнце
Сверкнуло по лужам – небесным оконцам.
Валом на улицу валит народ,
Дивясь на погоды крутой поворот.
Народу Великие тут поклонились
И с речью такою к нему обратились:
– Согреждане! Славные и дорогие!
Ремесленники и мастеровые!
Все, кто с рожденья нуждою недужен!
Кто утром мечтает о корке на ужин!
Кто и на воле живет, как в неволе!
У вас вопрошаем, скажите: доколе?
Доколе в нужде безысходной нам жить?
Доколе бездельников будем кормить?
Доколе от них и страдать и терпеть?
Неужто не сможем без них мы теперь?
И дружно на это народ отвечал
– Сможем! Долой дармоедов! – кричал.
– Друзья! – говорили Великие снова.-
Дозвольте сказать вам заветное слово?
И в тишину, словно в пашню зерно,
Пали слова: – Мы искали давно
К нашей свободе дороги-пути,
Поверьте, непросто их было найти.
Для радости нынче большая причина:

Вот она, видите, Чудо-машина!
К работе готова, лишь кнопку нажать —
И за свободой не надо бежать.
Ни сечи кровавой, ни битвы жестокой —
Вам дарят свободу незримые токи.
Исчезнут навеки по нашей затее
Из Города лодыри и богатеи.
И заживем мы в Городе нашем
День ото дня всё счастливей и краше!
Но странно: в восторге «Ура» не кричали,
Молчали...

Спросили Великие: — Иль вы не рады?
И голос в толпе: — Подумать бы надо.
— Подумать? Не вы ль о свободе мечтали?
Вас в тюрьмах гноили, вы кровь проливали.
Кем считано горя число и проклятий?
Так вот же она, долгожданная, нате!
Что вы теряет? Рабство и бедность.
Что остается? Работе верность.
Что вы найдете? Мечты свершение!
В чем же, скажите, ваше сомненье?
— Всё это слова. Как будет на деле —
Вот что от вас Мы услышать хотели.
— Ну чтоже, на деле всё выглядит проще:
Наутро, когда вы придете на площадь,
Мы включим машину, и в эти ворота

Всем по порядку пройти вам придется.
Достойных Машина сама отберет,
Для недостойных закроет проход.
Не бойтесь, здоровью не будет вреда.
И если вы только пройдёте туда,
Увидите Город такой же как наш,
До мелочи будет знакомым пейзаж.
И если домой вы там сразу пойдете,
То ваши дома вы на месте найдёте,
А дома на месте и стол, и кровать,
И вещи, которые жаль оставлять.
Всё будет как прежде, и всё же не так,
Ведь плата за вход – сердце доброта
И трудолюбие то, что вовеки
Ценим превыше всего в человеке.
– Откуда же Город возникнет другой,
Такой же, как наш, и совсем не такой?
– В том и секрет, чтобы Город возник
Машина создаст по времени сдвиг.
И в то же мгновенье, как это случится,
Город наш, можно сказать, раздвоится.
Один к одному, но в другом измеренье.
Людей не коснется такое двоенье,
И чтобы в тот Город попасть, вам придётся
Пройти через эти простые воротца...
Наутро вся площадь, что улей, гудела

*Но по началу не было смелых.
Пример показал один из Великих:
Вошёл, растворился, неяркие блики
Легкой волною омыли проём,
Лишь Город пустынный все видели в нём,
Но вскоре в воротцах, телесный и зримый,
Великий стоял живой, невредимый.
Толпа всколыхнулась и вновь загудела,
Тогда отыскалось несколько смелых.
Когда появились они из проёма,
Позвали с собою родных и знакомых —
И вскоре вся площадь толпилась в воротцах...*

На этом прервать мне рассказ свой придется...
Устали, вижу. На вопросы ваши
Отвечу утром. Быстро отдыхать!
Спросил Серёжка: – Что же было дальше?
– Вопросы завтра. Ужинать! И спать!

Ночные бдения

1

– Ах, девочки, ну как же я устала!

Такой длинный и нескладный день.

– Я тоже, кажется, как о благом мечтала

Прилечь хоть на траву, хоть на асфальт – хоть где,

Казалось, что уснула бы мгновенно,

Да вот не спится.

– Как же! Тут уснёшь!

Когда такое вдруг с тобою приключится,

Не то, что спать, меня бросает в дрожь.

– И я боюсь. Чего, сама не знаю.

Всё страшно так запуталось. Боюсь.

– Всё будет хорошо. Ты, Лен, не трусь.

А я вот о другом мечтаю...

– Да знаем мы, о ком мечты твои.

Казалось, спальня алым озарилась,

Так щеки вспыхнули, но всё же удивилась:

– Ну-ну, скажи, о ком мечты мои?

– Про Лёшку я. Ты, Люб, не обижайся.

Мы с Таней всё заметили давно:

Ведь любишь ты. Скажи, не запирайся,

Ведь любишь?

– Да, – сказала. – Но...

– Без всяких но. Любите на здоровье. Счастливая!

– И что ты в нём нашла?

– Когда ещё я глупая была,
Однажды тоже мучилась любовью.

– Как это, мучилась?

– А разве не мученье,
Когда любовь придёт к тебе в пять лет,
И твой любимый ест твоё печенье,
А для тебя «спасибо» даже нет?
Печеньем дань платила за вниманье,
А он – у, изверг – бегал за другой:
Два хвостика, над рыжей головой
Огромных бантов голубых сиянье.
Я столько плакала, когда никто не видел:

Мне было жаль печенья и себя.
И так он невниманием обидел,
Что бросила его, навеки разлюбя.
Девичий смех заполнил темноту
Серебряными искорками, будто
Пахнуло сладостью домашнего уюта.
Теньями страхи скрылись в черноту.

– Эх, девочки, сейчас бы мне домой.
Сидела б в кресле, телик бы смотрела,
И мама говорила бы со мной.
Как хорошо! Так нет же! Полетела

В поход. Романтики мне, вишь ли, захотелось.

А если вовремя мы не придем домой,

Что дома будет!...

– Перестань!

– Не ной!

– Кто знает, где берут герои смелость?

– Что, струсила?

– А ты, как будто нет?

– И мне, конечно, боязно немного.

– Вот раньше – проще: помолились Богу,

И вы спаслись от горестей и бед.

И люди верили! Теперь твердит любой,

Что Бога нет. А я бы помолилась:

Глядишь, а чудо б всё же совершилось —

И в тот же миг вернулись бы домой

– Ты что, Татьяна, поглупела чтоль?

Или чудес сегодня не хватало?

Без Бога столько, что от них устала.

Молиться хочешь? Ну, молись, изволь.

– Да нет, я так.

– Так нечего болтать!

– Ты что кричишь? Подумаешь, сказала...

– Спокойно, девочки, не ссорьтесь. Разве мало

Вам передрыг сегодня? Будем спать...

И снова тихо. Синь течет в проём

Окна. В потоке – звезд неярких стайка
Купается...

– Чтож, девочки, споём?

А ну-ка, Таня, нашу запевай-ка!..

...*Соловейко, соловейко*

Не тревожь ты наших мам,

Да и нас ты пожалей-ка,

Ведь учиться надо нам.

Говорят, что мы девчонки,

А мы взрослые вполне,

И поёт о чём-то звонкий

Соловейко по весне...

2

«Справедливейшему.

ДОНЕСЕНИЕ

От агента по кличке Друг.

Ваша щедрость и тяга к добру

Заслужили у нас преклонение...»

– Ну что за чушь! Какая тяга?

В работе лучше проявлял бы рвение...

Взметнулась ввысь тончайшая бумага,

Оттуда тихо начала кружение.

– И всё ж немые обманули нас,

Гостей хитро на свой прибрали ярус.

Ужели близок мой последний час?
Во мне клокочет ненависть и ярость!
Ну погодите, жалкие кроты,
Вы горько пожалеете об этом.
Когда полезете наверх из темноты,
Своим кровавым захлебнётесь светом!
Когда бы не Машина, я бы вас!..
Уж что ещё – карать – то я умею.
Я всё же бог. И мой не пробил час,
И за три дня я многое успею.
Сейчас послушаем Советников моих,
Бывают и у них порою мысли,
Глядишь – и будет толк какой от них,
Не зря же мы в Советниках их числим.
Эй, кто там есть? Советников ко мне!
И если сони спят, поднять с постелей!
И чтобы не тянулись еле-еле,
Нето и должность проглядят во сне!...

3

– Алеша открывает заседание,
Президиум, прошу занять места.
– А ты трепаться, Генка, не устал?
Нето поможем сделать замыканье.
– Молчу, милорд.
Алеша словно видел,

Как посерьёзнили товарищи его.

– Не верю в западню, – сказал Он. – Выйдем,
Но будет нам не легче от того.

Во-первых, нас не в гости пригласили

И не на сладкий яблочный пирог.

От нас зависит всей борьбы итог,

Хоть я не знаю, чем мы заслужили

Такую честь, и почему на нас

Легла ответственность решать людские судьбы,

И как бы нам надежд не обмануть бы.

Где профиль у задачи, где анфас?

– Ты, Алеша, кажется, загнул:

Какие судьи мы? Кто дал нам это право?

Не зная горожан, обычаев и нравов,

Мы сядем все на ненадёжный стул,

И опозоримся, конечно, в тот же миг.

И натворить таких сумеем дел мы!

– Я туп, сеньоры, если не постиг

Проблемы стульев и судей проблемы.

Серёжка взялся было объяснять:

– Да понимаешь ли, Алеша...

Но Генка перебил:

– Хороший

Ты друг, Сергей, но трудно мне понять,

Зачем весь этот разговор затеян

О какой-то миссии высокой.

Пока в делах мы не зашли далёко,
Считаю, надо – и при том, быстрее —
Нам сматывать отсюда к мамам, папам,
Пока не получили мы по лапам.

– Боишься?

– Я? А ты как будто нет.

Кому охота не за фунт изюма
Отдать единокровные свои семнадцать лет —
Не велика годков прожитых сумма,
Отдав, обратно их не получу.

А мне б хотелось по свету пошляться.

Себя в расцвете я узреть хочу

И женщин покорять, и самому влюбляться.

– Ха, Дон Жуан!

– Пусть так, и что?

Он жил неплохо, если разобраться...

– Всё ясно, Генка, подводи итог,

А то от сути стали отклоняться.

– Я всё сказал.

– А что нам Костя скажет?

– Скажу, что разговор наш ни к чему.

Что толку говорить, не зная даже,

Что ждёт нас утром. Право, не пойму.

Конечно, на душе у нас тревожно,

Но чем напрасно спорить и гадать,

Давайте спать.

Серёжка осторожно

Добавил: – Братцы, щас бы пожевать!..

Все рассмеялись. И в последний раз

Вспыхнул красный сигаретный глаз

И угас...

День второй

... У моей песни яростное сердце!

Пабло Неруда «Песня о подвиге»

Перевод С. Кирсанова

Машина

– Не спится, видно, на чужой постели.

Едва лишь солнце глянуло в окно,

А гости на ногах уже давно:

Умылись, собрались, поели

И твоего приёма ждут теперь, —

Сказал По-Праву, указав на дверь.

– Ну как они?

– Да ночь прошла спокойно,

Но неизвестностью, видать, утомлены.

– Тут взрослому вести себя достойно,

Ой, тяжело. И помнить мы должны,

Что наши гости – дети. Им сложнее

Понять, как мы живём, и разобраться

В переплетенье наших ситуаций.

И всё в течение теперь уже двух дней.

Всего два дня. Спрессован в них итог
Борьбы, надежд и вековых стремлений.
Слетит ли с трона самозванный гений,
Наш «справедливейший» самовлюблённый бог?
Всего два дня... Ну что ж, зови гостей.
Нет, погоди, скажи ещё два слова:
Как тётушка Ну-Что? Ты нового о ней
Узнал ли что?
По-Праву стал суровым:
– По-прежнему. На ПОЧТу нам пройти
Не удалось. Надеюсь, что пока.
Но ход не выдаст мать, скажу наверняка.
А почтарям самим вовеки не найти.
– Я не о том. Я не боюсь за ход.
Нам тетушка, как мать. Мы все у ней в долгу,
И я представить даже не могу
Весь третий ярус без её хлопот.
Мы не имеем права допустить
Над ней глумленья. Выход должен быть!
Ты передай там, чтоб Большой Совет
Собрался через час в Зелёном зале...
Зови ребят, небось и ждать устали,
От неизвестности душе покоя нет.
Вошли ребята. Тихим табунком
Остановились сразу у дверей.
Пред ними был не кабинет – скорей

Большая комната с высоким потолком.
За шторами от потолка до пола
Едва читались контуры окон.
И не понять о чём или о ком
Болтал в камине огонёк весёлый.
А в кресле у камина – человек,
Из-за очков из-под усталых век
Глядят глаза приветливо, тепло:
– Продолжить встречу время подошло
(Встал с кресла, подошёл к ребятам).
Ну, здравствуйте. Вас снова видеть рад.
Не зря у нас в народе говорят,
Завидуя людям, дружбою богатым.
И я надеюсь, будем мы друзьями
(Так и стрельнул весёлыми глазами),
Но я вам не представился вчера,
А прозвище моё Ищи Добра —
Оно мне нравится, и я к нему привык.
Начнём, пожалуй, времени впрыток.
Настало время для вопросов ваших.
Мне отвечать, а вам их задавать.
Спросил Серёжка:
– Что же было дальше?
Вы обещали утром рассказать.
– Что было дальше? Дальше было так:
Войдёшь в воротца – непроглядный мрак

Тебя охватит на одно мгновение,
Потом вдруг радужными всполохами свет
В глаза плеснёт – и вот его уж нет,
И в сером НЕЧТО видишь прояснение.
Не сразу осознав, что это было,
Глядь – ты опять на площади стоишь,
Где всё знакомо, только давит тишь,
Как будто Город ватую накрыло.
Но прорывая вату тишины,
Всё больше слышишь голосов знакомых:
И ты им рад, как век не слышал – дома!
Вот так сюда свершался переход.
И зажил счастливо мой Город, мой народ.
А дальше – просто, как и быть должно,
Всё, кажется, учли, да не учли одно:
Когда свобода выдаётся как подарок,
Без мук, без боли, Свет её не ярок,
Она прекрасна, но как трудно с ней,
И как с подарком сим распорядиться?
Не сразу поняли мы в сутолоке дней:
Ушла свобода, как в песок водица...
Откуда Справедливейший явился,
И кто его к Машине допустил,
Никто не вспомнил, как бы я ни бился,
Кого бы я об этом ни спросил.
Как будто кто-то этот эпизод

Из памяти людей стёр тщательно, надёжно.
Но начинал он крайне осторожно.
Не день прошёл, не месяц и не год —
Но постепенно взял он власть над нами.
И, безусловно, правым будет тот,
Кто упрекнет, что мы виновны сами:
Беспечно полагаясь на Машину,
Не разглядели деспота личину.
Сначала был он лишь Смотрящим у Машины,
Потом вдруг начал должности менять,
Вверх по служебной лестнице шагать,
Порой без повода на то и без причины.
И вот он – Главный Толкователь. Этот пост
Был наивысшим в Городе у нас.
И Толкователь был вначале прост,
И страждущим он помогал тот час.
Тогда ещё мы богачей не знали,
А в Городе вершил дела Совет,
В который мы достойных выбирали
Среди своих всего на пару лет.
А Главный Толкователь назначался
Советом Города и им же утверждался.
Но толи случай, умысел ли злой:
В машине отчего-то вышел сбой.
Смешалось всё немыслимо и странно
С того момента. Время сорвалось

В калейдоскоп. И всё для нас слилось:
Эпохи, континенты, страны.
Тут паника такая началась!
И всякий бы наверно испугался,
Когда не то, что год, не знаешь день и час.
И только Толкователь не терялся.
Он объявил народу, что его
Машина избрала, тем оказав вниманье,
И у него лишь только одного
Она согласна исполнять желанья.
И с тем он согласился этот пост принять,
Чтоб чехарду со временем унять.
И только Толкователь утвердился,
Порядок хоть какой установился,
Всё стало вовремя: рассветы и закаты,
Все дни и ночи, лишь одна беда:
По-прежнему все путались года,
Материки и города, и даты.
А Город наш скакал по всем эпохам —
И это было, безусловно, очень плохо,
Нигде пристанища ему доныне нет,
Но хуже: как грибы в осенний день,
Откуда-то вдруг вылезли на свет
Банкиры и купцы, закабалив людей.
Наш Толкователь стал Великим богом,
И всё у нас подчинено ему,

Пусть беден ты, но и в своём дому
Ты не хозяин. А всему итогом
Всех работяг согнали вниз, на третий ярус,
Где солнца нет, и скудная еда,
И та бывает не у всех и не всегда,
И рабский труд на всех. Слепая ярость
Не раз бросала нас на богатеев,
Нас жёстко подавляли. Но затея
Вернуть потерянное до сих пор жива,
Есть предсказание – о нём идёт молва,
О том, что только в Город ваш приход
Поможет разорвать круговорот
Всех этих ситуаций и событий.
И вы пришли...
– И что же вы хотите,
Что сделать мы теперь для вас должны? —
Не вытерпел Алёша. – Мы чужие,
Мы здесь не знаем никого и ничего.
Что можем мы?
– Ребята, дорогие,
И мы пока не ведаем всего,
Но знаем точно, что с самой Машиной
Вам надо встретиться всем сразу, всемером.
Но это трудно и тому причина,
Что спрятана от глаз она хитро,
И почтари так рьяно охраняют

Все подступы и все подходы к ней.
И ещё одно я твердо знаю,
Что времени у вас всего лишь пара дней.
Ну, чуть побольше – позже уточним —
И всё должно решиться в эти дни.
– А если не решится, что тогда? —
Вмешалась Люба. – Завтра, кровь из носа,
Вернуться надо. И не ерунда
Для наших мам решение вопроса,
Как нас найти, коль не придём мы к сроку,
А вы сказали, надо пару дней.
– И рад бы отпустить, да только мало проку
От этой радости, и очень жалко мне,
Что вам домой вернуться не удастся,
По крайней мере, завтра: Город наш,
Я говорил, по времени метаться
Был обречён. Где ныне город ваш
Никто не скажет – таковы дела...
– Нет, это здорово! Нас в город заманили,
Хотим ли, нет ли, даже не спросили.
И думают, что помощь им пришла,
А что хотят от нас, не знают сами.
А я домой хочу, хочу я к маме,
Да вот уйти отсюда не могу,
Сбежал бы я, но знают: не сбегу...
– Спокойно, Генка, есть, наверно шанс,

Иначе бы не так встречали нас.
Они могли бы сделать быстро, грубо, просто,
И мы б не пикнули, — всех урезонил Костя.
— Да, шанс, конечно, есть. И всё ж не мы вчера
Вас заманили, а сама Машина,
Иль кто за ней, — сказал Ищи Добра, —
И в этом вся незнания причина.
Но мы узнаем. Что от нас зависит,
Мы сделаем, чтоб вас вернуть домой.
Но вы одно, друзья, должны помыслить,
Что нет назад дороги вам иной.
А Справедливейший уж точно вам не рад:
К Машине вас не пустит, не пустит и назад.
И вам и нам так надо постараться,
Чтоб почтарям в застенок не попасться,
А завтра — завтра крайний срок —
Быть у Машины...
Тут Сергей Нырок,
Прервав хозяина, подвел черту:
— Ребята,
Понятно, что идти нам на попятный
Никто не даст. Что ж время зря терять,
Скажите лучше нам, с чего начать?
— Я вас ещё немного задержу
И что сначала делать подскажу,
А дальше вам, друзья, самим решать,

А мы, конечно, будем помогать...

ПОЧТА

– Так что же, тётушка? Ты будешь говорить?

– Спроси, племянничек, попробую ответить.

– Ну чтож, вопрос нетрудно повторить,

Скажи, где дети?

– Дети?

– Да!

– Какие дети?

Мои? Ах, боже, что случилось с ними?

Не сбедокурили они чего-нибудь?

Ещё вчера их видела живыми,

Поила чаем...

– Брось нам тюльку гнуть!

Врёшь, старая! Скажи, куда ты дела

Детей, что повстречала у ворот?

– Ах, у воро-о-т! Да, видела, но мне какое дело?

И за погляд ведь ПОЧТА не берет?

Смотрю стоят, ну я спросила их,

Откудова явились такие?

А чтобы брать и прятать, как своих, —

Ведь по одежке видно, что чужие.

Так я ведь понимаю, что нельзя,

Сама ещё хотела к вам тогда ж явиться,

Да только надо было торопиться:

К своим ребяткам торопилась я.

В том грех мой, что не сразу к вам явилась...

— Опять ты не о том разговоришься!

Где дети?

— А?

— Что за тобой пошли?

— Почём мне знать. Вы что ж, их не нашли?

— Теперь найдём, уж ты не сомневайся,

И ты сама дорогу к ним покажешь!

А будешь врать, тогда у нас попляшешь —

Ты знаешь нас! Совет мой: соглашайся.

— Так я ж согласна, деточка, согласна,

Да только что-то не возьму я в толк,

Что вы хотите от меня.

— Неясно?!

С тобою кролик взвоят, словно волк!

С ума сведёшь, упрямая старуха!

Все видели, что в дом звала ты их!

— Звала, да только не чужих, своих...

— Будь ты не баба, так бы врезал в ухо!

— За что бранишь? Ужель своих детей

В своём же доме не могу приветить?

— В последний раз прошу тебя ответить

Без всяких выкрутасов и затей:

Где дети, что стояли у ворот?

Не забывай: кто в этих стенах врёт,

Тот врёт Машине!

— В чём ты видишь ложь?

Я в жизни не лгала...

— И снова врёшь!

Иначе бы ответила, где дети.

Но хватит. Я устал от глупой болтовни.

Теперь, старуха, ты сама во всём себя вини:

Эй, кто там!.. Применить немедленно комплекс третий!..

* * *

— Ой, кто нас посетил? Мы очень, очень рады:

К нам в серый кабинет — и тетушка Ну-Что!

Как солнышко с небес, как в летний зной — прохлада!

Кто больше вас любим? Никто, никто, никто!

Ах, тётушка, ну что вы у дверей стоите,

Вот креслице для вас, присядьте. Хорошо?

Удобно ли? Вот славно! И не говорите...

А ты чего стоишь? А ну-ка прочь пошёл!..

Ну вот мы и одни. Вам кофе или чаю?

Есть настоящий чай, индийский — не эрзац.

Люблю хороший чай. А вы — я примечаю —

Грустите отчего-то, никак у вас гроза?..

Ну что вы? И не надо, я не полезу в душу,

Сам не люблю расспросов и вас могу понять

И всё же я прошу простить сейчас меня,

Что вашу грусть немножечко нарушу.

Они – вот дураки! – решили отчего-то,
Что вам в молчанку поиграть охота.
Тупоголовым, трудно им понять,
Что даже тётушка Ну-Что всего не может знать.
И что мы с вами скажем им на это?
Машина скажет. Тётушка, наденем-ка браслеты
И посраим упрямых почтарей.
И пусть им хоть однажды будет стыдно,
Что нам и без Машины очевидно,
Что тётушки Ну-Что не может быть мудрей.
И ей ли опускаться до тривиальных врак?
Кто думает иначе – дурак, тупица, враг...
Ещё укольчик надо, не бойтесь вы его,
Не больно, как комарик – только и всего...
Смотрите, как красиво экранчик засиял,
Всю жизнь бы любовался! Цвета-то, ах, цвета!..
Ещё укольчик надо... Эй, кто там помешал!?.
Кто отключил приборчик!?. Откуда темнота!?.
Включите свет!.. Бездельники!.. Ну вот, дано бы так!
Итак, продолжим, тётушка... Исчезла?.. Чушь и бред!
Куда исчезнуть можно?.. Отсюда хода нет..

Совет

– Коллеги, вас собрал с утра,
Поскольку срочно жду от вас совета.
Вы знаете, для нас иных желаний нету,
Чем пожеланье Городу добра.
О том печёмся мы и день, и ночь.
Пора настала Городу помочь.
А дело в том, что наш работный люд,
Предмет любви особой и вниманья,
Который сыт всегда, одет, обут,
Готовит в нашем (!) Городе восстание.
Против кого ж решились выступать
Все те, кому бы жить, не ведая тревог?
(Был взгляд у Справедливейшего строг)
Меня и вас хотят они прогнать!
Я о себе не буду говорить,
Хотя известно Городу всему,
Благодаря кому и почему
Мы можем счастливо и радостно здесь жить.
Кого достойным быть Машина назвала
Посредником между людьми и ею?
Не назову и те великие дела,
Перед которыми и прошлое бледнеет.
Не о себе, о вас сейчас пекусь.

Я – что? Готов на муки и на голод,
Лишь был бы наш всегда спокоен Город.
Я трудностей, лишений не боюсь.
И если есть достойнее меня,
Я в этом кресле не останусь дня,
И с радостью отдам и чин, и пост
И стану, как и все, свободен, счастлив, прост...
Он сделал паузу и оглядел собрание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.